

называемая вертикальная мобильность — возможность подняться или опуститься по социальной лестнице. Это делает задачу лингвистов достаточно сложной, так как чем разнообразнее общество, тем разнообразнее его языковые варианты.

Степень варьирования языка и его социальный статус находятся в обратно пропорциональных отношениях: чем выше статус, тем меньше вариантов. Чем более «сельские», «местные» и низкие варианты используются, тем больше число лексических и грамматических вариантов. Лексический пример: в стандартном английском языке есть слово scarecrow ('огородное пугало'). Ему соответствует в диалектах bogle, flay-crow, mawpin, mawkin, bird-scarer, moggy, shay, guy, bogeyman, shuft, rook-scarer (см.: Trudgill 1995: 29).

Описывать социальные диалекты сложно: методы традиционной сельской диалектологии здесь не подходят. Диалектология города выработала собственные методы; начиная с 1950–1960-х годов эта область стала быстро развиваться, прежде всего благодаря трудам У. Лабова (США) и П. Традгilla (Великобритания).

Мы давно знаем об этих социальных и региональных вариантах, и мы имеем точное описание стандартного произношения. Однако мы не знаем, как именно стандартное произношение и локальные акценты связаны с социальным классом; как далеко простирается стандартное произношение вниз по социальной лестнице в разных регионах; какие говорящие употребляют произношение, стандартное для данного региона; и как, собственно, выглядят эти промежуточные и местные акценты (Trudgill 1995: 31).

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ

Здесь речь пойдет о том, как именно работает диалектология города, или социальная диалектология. За сорок

лет ее существования³ были выработаны и проверены на практике различные методы сбора и обработки данных. Однако прежде необходимо коротко упомянуть о другом очень важном аспекте этой работы, который имеет отношение не только к городской диалектологии, но и к любой полевой работе, к любому сбору данных, как социально-антропологических, лингвистических, так и социолингвистических — об этическом аспекте сбора информации.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ

Этическая сторона полевых исследований в последнее время широко обсуждается, прежде всего потому, что некоторые исследователи в прошлом вольно или невольно настроили многие общности против себя, публикуя то, что публиковать не следует, или добывая данные сомнительными методами (например, с помощью скрытой записи на магнитофон доверительных разговоров).

Существует много вопросов, с которыми так или иначе сталкивается исследователь «в поле». В какой «роли» исследователь имеет право выступать в исследуемой общности? Может ли он сочинить себе «легенду», т. е. притвориться кем-то для получения нужных ему данных? Должен ли исследователь полностью информировать индивидов, с которыми он работает, и группу в целом о целях и методах своего исследования? Всегда ли обязательно говорить информанту, что его речь записывается? Следует ли всегда упоминать имя того, от кого получены те или иные сведения, или, напротив, сохранять анонимность ис-

³ Мы ведем отчет с первых публикаций У. Лабова, который по праву может считаться отцом современной социальной диалектологии. Однако некоторые интересные работы появлялись и раньше, в том числе и в России; см., например, книгу (Шпильрейн и др. 1928), в которой предложены интересные методики сбора и анализа данных по речи одной из социальных групп — военнослужащих Красной Армии.

точников информации? Что делать, если в процессе записи речи исследователь получил сведения о нелегальной деятельности информанта или его знакомых (контрабанда, наркотики, воровство и др.)? Всегда ли можно публиковать интервью?

Различные объединения, ассоциации и союзы ученых выработали и опубликовали документы, озаглавленные «Этические принципы полевых исследований». Кроме того, многие этнические общины, со своей стороны, также выработали подобные документы.

Так, Канадский Королевский комитет по работе с коренными народами (Royal Commission on Aboriginal Peoples) принял, среди прочих, следующие этические принципы социальных исследований в Канаде:

- 1) Необходимо заручиться осознанным согласием (*informed consent*) всех участвующих в исследовании.
- 2) В исследованиях, проводимых вaborигенных общинах, исследователь должен позаботиться о процедурах, которые дали бы возможность представителям общинам участвовать в планировании и проведении исследований и в оценке их результатов.
- 3) Результаты должны быть широко распространены в общинах, в том числе и наaborигенном языке там, где это возможно.
- 4) Избранная тема исследования должна быть полезной для конкретной общины.
- 5) Там, где это возможно, исследователь должен способствовать повышению уровня подготовки отдельных людей, тем самым повышая способность общинам проводить свои собственные исследования.

Аналогичные принципы приняла и Федерация коренных народов Аляски (Alaska Federation of Natives [1993]) (цитируются лишь два из них):

- 1) Отдавать должное вкладу местного населения в печатных изданиях.
- 2) Нанимать и обучать местных жителей для помощи в работе.

В декларации «Этические принципы проведения исследований на Севере» ('Ethical Principles for the Conduct of Research in the North' [1982]), принятой Ассоциацией Канадских университетов, занимающихся исследованием Севера (Association of Canadian Universities for Northern Studies), сказано:

- 1) Все отчеты о результатах исследования должны быть посланы общине.
- 2) Во всех публикациях должны содержаться ссылки на согласие и на участие общин в исследовании.
- 3) Все публикации должны содержать по возможности максимальные сведения обо всех, кто способствовал исследованию; при этом не должен нарушаться принцип анонимности.

Для любого западного антрополога и лингвиста эти принципы обязательны: их нарушение ведет к исключению из всех ученых обществ, обструкции и бойкоту как со стороны общин, так и со стороны коллег. Аналогичные проблемы возникают и при изучении социальной диалектологии; об этой стороне исследований необходимо помнить (обсуждение этого аспекта полевых исследований см.: Вахтин 2002).

МЕТОДИКИ СБОРА ПОЛЕВЫХ ДАННЫХ

Методика анонимного интервью

Эту методику впервые в социолингвистике применил У. Лабов. Покажем основные принципы этой методики на примере проведенного им исследования произношения звука [r] жителями Нью-Йорка (Labov 1966). Известно, что нью-йоркцы то произносят, то не произносят звук [r] в словах типа *farm* или *fourth*, причем произнесение [r] — это, по предположению Лабова, инновация. Лабов предложил, что наличие/отсутствие [r] будет зависеть от возраста и социального статуса говорящего: образованные и пожилые будут произносить [r], необразованные и моло-

дые — не будут. Кроме того, он предположил, что [r] будет чаще отсутствовать в тех случаях, когда говорящий «не старается». Наконец, он предположил, что неупотребление [r] зависит и от чисто морфонологических причин: оно будет употребляться чаще, когда следом идет согласный, чем когда следом идет граница слова.

Чтобы собрать материал для ответа на этот вопрос, Лабов обошел три больших нью-йоркских универмага, спрашивая продавцов, где можно купить такие-то товары (про которые он заранее знал, что они продаются на 4-м этаже). Естественно, он получал ответы, содержащие сочетание fourth floor ‘четвертый этаж’, — т. е. два слова интересующего его типа. Услышав ответ, он наклонялся вперед и делал вид, что не рассышал, — продавцы повторяли то же самое более тщательно. Сравнивая слова fourth и floor, он получил два интересовавших его фонетических контекста. Сравнивая первое и второе произнесение, он проверял гипотезу, что наличие/отсутствие [r] зависит от тщательности речи. Наконец, гипотезу о разном социальном статусе он проверял, сравнивая речь продавцов трех магазинов, ориентированных на разную клиентуру: «Saks», «Fifth Avenue» — высший класс, «Macy's» — средний и «S. Klein» — низший. Внутри каждого из магазинов Лабов опрашивал таким способом людей разного возраста и социального статуса — уборщиков, продавцов, младших и старших клерков и т. п.

Результаты наблюдений записывались в блокнот скрытно, так что никто из респондентов не предполагал, что участвует в эксперименте. Выводы из подсчетов более или менее подтвердили все исходные гипотезы, кроме гипотезы о возрасте. Последняя подтвердилась для социально более высокой группы и в какой-то мере для низкой, но не для средней. Это позволило Лабову сделать вывод, что корреляция возраста и произношения надежно фиксируется только для высших и низших слоев: они не склонны менять свое произношение после того, как оно устоялось в юном возрасте. Для средней же группы наблюдается другая ситуация: ее представители с готовностью меняют свое про-

изношение во взрослом возрасте, чтобы сделать его похожим на речь более «высокого» социального класса, и перенимают тип произношения, который в данный момент «в моде». Эта гипотеза была Лабовом подтверждена в ходе его дальнейших исследований, что привело к появлению понятия «гиперкоррекция»: сознательное подраживание в произношении под речь социально более высокого класса.

Методика структурированных интервью

Эта методика входит составной частью в так называемое спонтанное интервью; ее называют еще структурированным интервью, поскольку оно строится по определенной схеме: исследователь задает вопросы таким образом, чтобы получить как можно больше употреблений в речи интересующих его элементов — фонетических, лексических или грамматических.

Спонтанный (свободный) разговор — исключительно важный источник данных, используемых в социолингвистических исследованиях. Для получения надежных результатов необходимо, чтобы респондент говорил свободно, не задумываясь. Однако тот факт, что человека интервьюируют и записывают, оказывает значительное влияние на спонтанность его речи. Кроме того, на речь испытуемого воздействует и речь спрашивающего: людям свойственно подстраиваться друг под друга или, наоборот, отталкиваться друг от друга по манере речи (см. специально гл. 3). Лабов формулирует этот «парадокс наблюдателя» так:

Чтобы получить данные, важные для языковой теории, мы должны наблюдать, как люди говорят, когда за ними не наблюдают (Labov 1972: 113).

Существуют разные приемы, которые позволяют снизить негативный эффект присутствия наблюдателя и повысить спонтанность речи, сделать разговор более естественным.

- 1) Следует задавать вопросы, на которые требуется развернутый ответ, а не ответ типа да—нет. Так, вопрос «Вы в школе в прятки играете?» не годится, а вопрос «Как у вас играют в прятки? В разных школах играют по-разному» — лучше.
- 2) Желательно задавать вопросы, на которые информант предположительно знает ответ. При этом нужно учитывать его пол, возраст, положение в группе, национальность и личные склонности. Тема для разговора должна выбираться близкой для говорящего: люди любят говорить о себе, о детях, о болезнях. Есть темы, которые информант обсуждает особенно охотно, эмоционально и с большим желанием убедить собеседника, что все рассказанное им — правда.
- 3) Исследователь должен в разговоре следовать за информантом, не перебивать его и не сбивать с темы.
- 4) Не следует задавать прямые вопросы об особенностях речи — они разрушают ситуацию непринужденности, человек начинает задумываться, и естественность речи исчезает. Необходимо добиваться того, чтобы испытуемый сосредоточился на содержании своей речи и забыл про форму. То, что информант *вообще говорит*, важнее, чем то, что он *говорит*. Поэтому исследователь должен не только терпеть длинные и скучные монологи, но всячески их стимулировать, даже если говорящий отклоняется от прямого ответа на вопрос.
- 5) Исследователь должен внимательно следить за тем, как говорит он сам, использовать максимально естественную и стилистически нейтральную речь, в противном случае есть опасность повлиять на информанта, увлечь его своей эмоциональностью или, наоборот, официальностью.
- 6) Вопросы не должны вызывать подозрения, что у исследователя есть какая-то тайная цель. Людям трудно поверить, что кого-то может интересовать просто речь сама по себе, поэтому при выборе темы разговора нужно стараться избегать тем, которые могут быть связаны, например, с полулегальной деятельностью.

Одним из способов приблизиться к спонтанному разговору являются *групповые интервью*, т. е. магнитофонная запись разговора людей, принадлежащих к одной группе, друг с другом. Это позволяет наблюдателю устраниться

из ситуации и записать разговор, практически неотличимый от естественного, однако запись таких разговоров очень сложна технически и трудно поддается расшифровке.

Чтение

Чтение отрывков текста или списков слов включают в эксперименты, которые направлены на получение данных о различиях в формальной и неформальной речи, а также об особенностях произношения представителей той или иной группы. Для чтения могут предлагаться *связные тексты*, составленные таким образом, чтобы в них было достаточно количества интересующих исследователя звуков или слов. Могут даваться *отдельные предложения* (иногда в них оставляют пропуски, которые информант должен заполнить, — это отвлекает его от звуковой стороны чтения). Наконец, могут даваться просто *списки слов*, которые подобраны таким образом, чтобы представлять какую-либо фонологическую черту. Например:

rows	rose	side	sod
run	rum	shoe	chew
hau	hot	mass	mask
sold	soul	deaf	death

и т. п.

ВЫБОРКА

Выборка — это статистический прием, позволяющий определить круг испытуемых так, чтобы они адекватно представляли интересующую исследователя группу населения (*генеральную совокупность*)⁴. Иногда удается найти

⁴ Выборка — ограниченная совокупность элементов объекта исследования, подлежащая непосредственному изучению. В социо-

группу населения, которая уже каким-то образом отграничена от других групп какой-либо условной границей, например географической. Если нас интересует речевое поведение жителей Петербурга или Вологды, то границы области изучения уже установлены априорно. Тогда наша единственная задача — определить, сколько и каких людей в пределах этой области мы должны обследовать, чтобы получить надежные и адекватные результаты.

В других случаях, если мы хотим описать речевое поведение группы, которая определяется не географически, а социально, нужно установить границу на основе таких критериев, как социальный класс, пол, возраст, этническая или религиозная принадлежность и т. п. Иногда это просто (как в случае возраста, например), иногда сложнее. Сложности могут корениться как в особенностях структуры того или иного общества, так и в особенностях того или иного признака.

Для определения социального статуса в социальных науках (прежде всего в США) принята классификация на «рабочий» (working) и «средний» (middle) класс с тройным членением внутри каждого класса: на «нижний», средний» и «верхний» (lower, middle, upper), что дает шесть групп:

логии изучение того или иного социального явления или процесса обычно носит выборочный характер: исследователь имеет дело не со всей совокупностью какого-то явления, называемой генеральной совокупностью, а только с некоторым ограниченным числом его элементов. Важнейшее значение при определении выборки имеет обеспечение ее репрезентативности, адекватного, строгого отражения в выборке структуры, особенностей, соотношений, взаимосвязей и других социально значимых черт генеральной совокупности — т. е. всей совокупности качественно определенных социальных явлений или процессов, имеющих те или иные общие социально значимые признаки и подлежащих изучению. Иными словами, при определении выборки необходимо принимать во внимание весь объект социологического исследования в отличие от выборки как ее части (см.: Словарь-справочник по политологии: <http://www.i-u.ru/dict/default.asp#find>); см. также полезную работу (Davis 1990), в которой достаточно сложные математические методы обработки данных изложены очень просто).

lower working, middle working, upper working, lower middle, middle middle, upper middle (LW, MW, UW, LM, MM, UM). Распределение по этим классам осуществляется на основе ряда критериев, таких как уровень заработной платы, место работы, тип жилища и др.

Выделение группы по национальному (этническому) принципу сопряжено с большим числом проблем: неясная этничность («не знаю»), двойная этничность («что выгоднее в данный момент»), подвижная этничность («то так, то этак»), навязанная этничность (паспортная система) и т. п.

Из всех параметров, используемых в социолингвистических исследованиях, наиболее сложным является параметр социального статуса. Мы должны знать, какие социальные слои существуют в той или иной изучаемой общности и как определить статус того или иного индивида, его место на социальной лестнице. В одних случаях мы можем постараться выделить социальные слои до начала лингвистического анализа, чтобы выяснить корреляции наших языковых переменных с социальными слоями. В других случаях может быть интереснее вначале разделить население по языковым признакам, а затем исследовать социальные характеристики получившихся групп. Наконец, можно использовать оба метода последовательно — начать с выделения социальных групп, выяснить их лингвистические характеристики и затем на базе этих характеристик уточнить социальную структуру, перегруппировав людей, вошедших в выборку так, чтобы получилось максимально четкое распределение.

Главный вопрос — как приписать индивиду его место в социальной структуре? Здесь есть два пути: *объективные измерения* и *субъективная оценка*.

Объективные измерения

В этом случае исследователь изучает общность и определяет, какие социальные слои в ней есть, независимо от того, признают ли сами члены данной общности нали-

чие таких слоев. Здесь используется так называемый *индекс статусной характеристики* — т. е. индекс, учитывающий ряд социально-экономических показателей. К таким показателям обычно относят занятие, образование, уровень доходов, тип жилища и район проживания. Эта методика разработана в США и Англии и, естественно, более всего подходит именно для этих стран, хотя не лишена смысла и для других регионов. Например, шкала образования, которая обычно применяется в США, выглядит так:

дети менее семи лет → младшая школа (семь классов и выше) → неполная средняя школа (десять классов и выше) → средняя школа (двенадцать лет) → неполный колледж (год и более) → колледж (четыре года) → университетское образование

Ясно, что эту схему нельзя перенести механически на российскую или, например, на японскую почву. Точно так же шкалы, которые измеряют уровень доходов, нельзя использовать без изменений в разных странах (так, принятые в США шкалы основаны либо на абсолютных показателях дохода, либо на источнике дохода — наследственное состояние, зарплата, периодические гонорары, доход от банковского капитала и др.).

Обычно каждой строке любой шкалы приписывается некая цифра (уровень доходов, например, если таких уровней выделено 7, получает «вес» от 1 до 7, пять возрастных групп — от 1 до 5, четыре типа мест проживания — от 1 до 4 и т. п., и затем вычисляется общий «вес» каждого респондента. Богатый + высшее образование + собственный дом получает общий «вес», равный 3 (1 + 1 + 1), нищий бездомный без образования — 16 (7 + 5 + 4), и далее вся выборка подразделяется «по весам» на группы: от 1 до 3, от 4 до 8, от 9 до 12 и т. п. Таким путем устанавливаются социальные группы, из которых состоит генеральная совокупность.

Недостатки этого метода очевидны (см., в частности: Беликов 1999). Прежде всего, навязанные исследователем извне социальные признаки совершенно не обязательно имеют отношение к реальной социальной стратификации

данной общности. Это особенно очевидно, если взять разные этнические группы в тех же США. Имеет ли фактор «занятость» реальное значение для черного гетто, где все — безработные? Даже если и имеет, значение этого фактора существенно иной, чем в белой общине.

Списки социально-экономических признаков также могут быть различными. Для неиндустриальных обществ, для исследований в промышленно неразвитых странах исследователь может учитывать место человека в иерархии власти, социальные роли в общине, количество свободного времени, доступ к привилегиям («блат») и многие другие факторы.

Субъективная оценка

Высшими авторитетами в вопросе о распределении людей по социальным классам и в вопросе о количестве и признаках самих этих классов являются в конечном итоге сами члены общности. В каком-то смысле социальные классы существуют постольку, поскольку члены общности верят в их существование. Исследователю остается только спросить членов общности, как они ранжируют сами себя в терминах социальных групп, признаваемых самой общностью: кто «уважаемый человек», кто — «не нашего круга», кто «выше» и кто «ниже» того, который отвечает на этот вопрос.

Этот метод также не лишен недостатков. Прежде всего, мы можем получить разную картину распределения классов от разных членов общности. Обязательно ли мнение большинства окажется адекватным? У этого метода есть и чисто практические неудобства: исследователь должен быть лично знаком практически со всеми, кто входит в изучаемую группу, что часто невозможно при широкомасштабных опросах.

В идеале, по-видимому, субъективный и объективный методы должны комбинироваться, что превращает этот подготовительный этап работы в громадную и часто невыполнимую задачу. Поэтому социолингвисты предпочитают пользоваться уже имеющимися результатами социоло-

гических или этнолингвистических исследований, на основании которых уже были выделены социальные слои в пределах данной общины.

Разновидности выборки

После того как границы группы очерчены, наступает перед определения числа респондентов (испытуемых), которых необходимо обследовать для получения надежных данных. Существует три типа выборки: случайная выборка (*random sample*), представительная выборка (*representative sample*) и структурированная сознательная выборка (*peer-group sample*).

Случайная выборка. Это процедура отбора испытуемых, проведенная так, чтобы исключить какую-либо предвзятость, т. е. чтобы в выборку «случайным» образом попали представители всех мыслимых комбинаций признаков. Один из обычных путей осуществления отбора — использование таблицы случайных чисел (такие таблицы публикуются в виде отдельных брошюр или как приложение к любому учебнику статистики). В этом случае берется группа населения, каждому индивиду присваивается номер и затем из группы выбираются те, чей порядковый номер соответствует первым 100–200–300 и т. п. числам в таблице случайных чисел.

Этот метод не всегда подходит для изучения социолингвистических проблем. Вот что пишет по этому поводу Лабов:

Случайная выборка, которой я пользовался, включала выбор каждого десятого дома в квартале и каждой седьмой квартиры в этом доме. Этот метод вроде бы свободен от предвзятости, но он не позволял мне выбирать респондентов случайным образом в пределах семьи, и, кроме того, я не мог заранее знать, какого размера район мне удастся охватить, пока ресурсы не будут исчерпаны. Что еще важнее, никакая подобная выборка не может заранее разграничить природных носителей языка и иностранцев, и масса времени уйдет на бессмысленные хождения по квартирам этих последних (Labov 1966: 201).

Строгая случайная выборка также, естественно, приводит к тому, что вся выборка в целом оказывается пропорциональна составу исследуемой группы. Например, если в группе преобладают белые, то они будут преобладать и в выборке (в этом, собственно, и заключается смысл случайной выборки). Однако это может привести к тому, что в выборке окажется значительно больше носителей одного признака, чем другого, причем этот признак может быть заранее не известен исследователю, но повлияет на результаты.

Представительная выборка. В этом случае вначале определяется социальный (возрастной, профессиональный и т. п.) состав исследуемой группы, затем респонденты подбираются так, чтобы полноценно представить элементы («клетки») этого социального состава, до тех пор пока все клетки не оказываются равномерно заполненными.

В качестве примера возьмем гипотетическое исследование, которое мы проводим в вепсской деревне с целью изучить некую лингвистическую переменную (например, произношение какого-либо согласного), зависящую, по нашему предположению, от уровня образования, пола, возраста и национальности. Допустим, что мы имеем четыре уровня образования, два пола, три возрастные группы (10–12, 14–17 и 25–35 лет) и две национальности — русские и вепсы. Эти признаки сводятся в таблицу.

Образование	Русские				Вепсы				
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины		
	10–12	14–17	25–35	10–12	14–17	25–35	10–12	14–17	25–35
Начальное									
Неполное среднее	?			?	■		?		?
Среднее	?			?			?		?
Высшее	?	?		?	?		?	?	?

Если мы хотим, чтобы все клетки таблицы были равномерно представлены, мы должны подобрать для каждой из них рав-

ное число респондентов. Общее число клеток в таблице — это число вариантов каждой из переменных, помноженное друг на друга: 4 социальных класса \times 2 пола \times 2 национальности \times 3 возраста = 48 . Однако при взгляде на таблицу становится очевидно, что некоторые признаки связаны: так, дети $10\text{--}12$ лет не могут иметь неполного среднего и среднего, а дети и молодые люди до 17 лет не могут иметь высшего образования. Поэтому реальное число «клеток» меньше — 32 .

Сколько респондентов должно быть указано в каждой клетке? Для практических целей применяют принцип: *пять человек на клетку*. Следовательно, в отмеченной (тонированной) клетке таблицы должно быть 5 русских женщин возраста $14\text{--}17$ лет с неполным средним образованием, в соседней снизу — 5 русских женщин того же возраста, но со средним образованием, и т. п. Итого число респондентов в этом воображаемом эксперименте должно составить $32 \times 5 = 160$ человек.

Впрочем, применительно к социолингвистическим вопросам этот общий принцип не всегда приводит к оптимальной выборке. С одной стороны, лингвисты традиционно опираются на очень небольшое число информантов, в то время как традиции социологических обследований требуют больших массивов респондентов — сотен и тысяч человек. Оптимальная выборка для изучения социальных диалектов лежит где-то между этими крайними вариантами: размер оптимальной выборки зависит от задачи, от ожидаемого единообразия или разнообразия индивидуальных реакций и др. Кроме чисто теоретических, здесь примешиваются и практические соображения: работа с одним информантом при решении лингвистических вопросов может иногда занимать несколько дней, и тогда приходится ограничиваться несколькими десятками информантов. В нашем воображаемом эксперименте, наконец, в вепской деревне, просто может не оказаться нужного числа людей или нужного числа мужчин или детей и т. п. Тем не менее важно, чтобы все сочетания признаков (все клетки) заполнил хотя бы один респондент — в противном случае результаты могут оказаться недостоверными.

Сознательная выборка. Используется в тех случаях, когда необходимо исключить всякий элемент случайности, когда исследователь хочет взять одну, четко определенную и ограниченную группу испытуемых. Например, работа Лабова по изучению речи черных подростков Гарлема (район Нью-Йорка) основана не на выборке, а на исследовании вполне определенной, специально отобранный группы ровесников — учеников одной школы.

Никакая выборка не бывает идеальной, поскольку всегда имеет место логический круг: идеальную выборку можно составить, только если заранее точно знать, какие социальные и иные параметры оказывают влияние на исследуемый феномен, а это обычно становится ясно лишь в результате исследования.

В заключение приведем пример классического социолингвистического исследования, в котором многие из упомянутых выше проблем были если не решены, то хотя бы учтены, — исследования П. Традгилла (Trudgill 1974).

П. Традгил изучал социальные диалекты, существующие в его родном городе Норидже (Англия). Выбор родного города был не случаен: Традгил не только хорошо понимал, но и умел имитировать местный акцент и таким образом предполагал снизить влияние собственной речи на речь информанта. При отборе исследователь пользовался тем, что уже было известно о социальной структуре Нориджа: выделил пять районов по типу застройки, которые соответствовали пяти градациям социального статуса, и взял выборку 60 человек (на город с населением в $160\,000$ человек). Поскольку исследуемых групп было всего пять (ни пол, ни возраст не учитывались), то, исходя из очерченного выше принципа, эта выборка может считаться представительной: для пяти «клеток» таблицы достаточно было бы опросить $5 \times 5 = 25$ человек.

При исследовании использовались методы чтения и интервью: респонденты читали связный текст, затем список слов, затем вели диалог с исследователем; кроме того,

записывались бытовая речь с членами семьи и спонтанные рассказы. Выбирая тему, Традгил просил рассказать смешной эпизод из жизни — это способствовало спонтанности речи. Было выбрано 16 разных языковых переменных (3 согласные и 13 гласных). Ниже приводится пример только одной из них: употребление звука [ng] по сравнению с [n] в словах типа *seeing/seein'*. Цифры в таблице — процент произнесения звука [ng].

Группа	Чтение списка слов	Чтение связного текста	Формальный разговор	Неформальный разговор
MM	100	100	95	70
LM	100	90	80	60
UW	100	80	20	17
MW	95	60	10	4
LW	70	40	5	0

Эксперимент подтверждает предположение о различии произношения в зависимости от двух переменных: 1) от принадлежности испытуемого к тому или иному социально-экономическому классу, 2) от стиля речи. В данном фрагменте исследования выяснилось, что в речи представителей более образованных и богатых классов [ng] звучит чаще, чем [n]; у представителей низших классов чаще встречается [n], чем [ng]. Эксперимент также подтверждает зависимость того или иного типа произношения от степени внимания говорящего, т. е. от стиля речи: от чтения списков слов к бытовому разговору частотность [ng] заметно падает у всех групп. Для «среднего класса» (MM и LM) основная граница проходит между бытовой и формальной речью, для «рабочего класса» (UW, MW и LW) — между формальной речью и чтением. Иначе говоря, «средний класс» чувствителен к различным степеням формальности коммуникативной ситуации, в то время как «рабочий класс» — к переходу от устной коммуникации к пись-

менной, от разговорной речи — к чтению; это естественно, поскольку нормативное произношение [ng] они осваивали в школе.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЯЗЫКЕ

Тема «язык и пол» в последнее время активно разрабатывается, в основном в зарубежной лингвистике⁵. В современной литературе принят термин *гендерные различия*: понятие *гендер* шире, чем понятие *пол*, и включает комплекс социальных, культурных и психологических явлений, связанных с полом.

Одной из первых работ в этой области считается книга американской исследовательницы Р. Лакофф «Язык и место женщины» (Lakoff 1975). Согласно Р. Лакофф, существуют следующие основные отличия женского варианта языка от мужского: женщины 1) используют слова, которые мужчины не используют (*mauve* ‘розово-лиловатый’); 2) используют больше «пустых» оценочных прилагательных (*sweet, divine, cute*); 3) используют вопросительные формы (в том числе *tag questions*) там, где мужчины используют утвердительные; 4) чаще используют вежливые формы; 5) женщины чаще используют формы, выражющие неуверенность (*well, you know, I guess, I wonder, I think*); 6) чаще используют усилители (*so nice, very nice, really charming*); 7) используют гиперкорректную грамматику. Более поздние исследования не всегда подтверждают эти наблюдения; не исключено, что во многих случаях мы имеем дело не с реальностью, а со стереотипом.

Гендерные противопоставления по-разному проявляются в языках мира. Попытка их систематизации предпринята, например, в работе Дж. Шерцер (Sherzer 1995; см.

⁵ Подробную библиографию см.: *Linguistics* 1995: 96–99; см. также: *Sociolinguistics Reader* 1998 (Vol. 2, sect. 1. «Gender»).